

АНЖЕЛИКА ЯНЧЕВСКАЯ

ПОПАДАНКА В БЕРЕМЕННУЮ

СЛУЧАЙНАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

Анжелика Янчевская

**Попаданка в беременную.
Случайная жена дракона**

«Литнет»

2025

Янчевская А.

Попаданка в беременную. Случайная жена дракона /
А. Янчевская — «Литнет», 2025

Я умерла и очнулась в другом мире, в теле юной служанки, прибывшей в замок могущественного Лорда, на свадьбу своей госпожи. Но в самый разгар церемонии древняя магия дает сбой. И вот я, безродная служанка, случайно становлюсь женой дракона вместо своей госпожи. Он меня презирает и ищет способ избавиться. А я пытаюсь выжить в чужом мире и скрыть главную тайну: та ночь, которую мы оба не помним, принесла не только позор, но и новую жизнь. литмоб_попаданка_в_беременную

© Янчевская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	15
6	18
7	20
8	23
9	27
10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

1

Голова раскалывается. Как будто кто-то всю ночь долбил по черепу кувалдой, а потом для верности еще и прокатился катком. Каждый удар пульса отдается в висках болью, от которой хочется выть. Я пытаюсь открыть глаза, но веки словно налиты свинцом.

Вчера я праздновала. Развод. Конец двадцатилетнего брака с придурком, который решил, что молоденькая инструкторша по фитнесу — это именно то, что нужно для его кризиса среднего возраста. «Марина, я просто больше не чувствую той искры», — сказал он, стоя в дверях с чемоданом. Искры, блять. Двадцать лет совместной жизни, и он ищет искру у двадцатилетней девушки с силиконовой грудью.

Целая бутылка французского коньяка тогда показалась отличной идеей. Дорогого. Того самого, на который мы копили деньги к годовщине свадьбы. Ирония судьбы — отпраздновать им развод.

— Ни хрена себе, как я вчера оторвалась, — хрипло выдыхаю я и замираю.

Это не мой голос. Мой — прокуренный, с хрипотцой от многих лет работы в офисе с кондиционером и бесконечных сигарет на балконе. А этот звенит, как серебряный колокольчик. Чистый, высокий, молодой.

Паника холодной волной ударяет в грудь, но я заставляю себя открыть глаза. Ресницы кажутся невероятно длинными и густыми — точно не мои. Комната утопает в густом полумраке, тяжелые бархатные шторы цвета старого вина плотно задернуты, не пропуская ни лучика света. Воздух прохладный, пахнет странно — озоном после грозы, раскаленным металлом и чем-то еще... мужским. Терпким. Опасным. Сандал, кожа и что-то дикое, необузданное.

Я лежу на чём-то невероятно мягком. Шелковые простыни скользят по коже, как вода. Настоящий шёлк, дорогой, не дешёвка из магазина за углом. Матрас под спиной мягкий, как облако. Это точно не моя убогая кровать из Икеи со скрипучими пружинами.

Я осторожно поворачиваю голову и чуть не задыхаюсь.

Рядом со мной спит мужчина.

Огромный. Спит спиной ко мне, и даже во сне от него исходит какая-то первобытная мощь. Широкие плечи, под смуглой кожей перекачиваются рельефные мышцы. Длинные чёрные волосы рассыпались по белой подушке, создавая разительный контраст. Дышит ровно, глубоко, как крупный хищник в своём логове.

Каждый инстинкт самосохранения в моем теле включается на полную мощь. Этот мужчина опасен. Смертельно опасен. Это знание приходит не из памяти, а из какого-то древнего, животного страха.

Господи, что я наделала? С кем я переспала? Я же не из тех, кто подцепляет мужиков по пьяни!

Я медленно, стараясь не пошевелиться, сползаю с кровати. Ноги касаются ледяного каменного пола, отполированного до зеркального блеска, а затем утопают в мягком ворсе какой-то шкуры. Пол каменный? В какой гостинице каменные полы?

На полу разбросана одежда. Его — темные брюки из дорогой ткани, белая рубашка из тонкого шелка. И мое... нет, не мое. Грубое серое платье из жесткого льна, явно униформа прислуги. Мои джинсы и кашемировый свитер исчезли.

Я хватаю это убожество и натягиваю на себя. Ткань царапает кожу, завязки путаются в пальцах. И тут я замечаю свои руки.

— Что за...

Это не мои руки. Длинные изящные пальцы, нежная кожа. Мои руки знали, что такое прополка грядок на даче, бесконечные стопки документов, мытьё посуды. На безымянном пальце даже нет бледной полоски от обручального кольца.

Я запускаю пальцы в волосы и чуть не падаю. Вместо привычного каре до плеч струится тяжелая золотисто-пшеничная волна, доходящая до самой поясницы. Шелковистая, густая, совершенно чужая.

— Что за дерьмо происходит? — шепчу я тем же чужим голосом.

Это не мое тело. Это не моя комната. Это все не мое.

Мужчина на кровати шевелится. Мышцы на его спине напрягаются, он поворачивается и садится. Резко, как пружина, без перехода от сна к бодрствованию. Потирает виски — видимо, у него тоже болит голова.

Я прячусь в тени массивного резного шкафа, надеясь, что он меня не заметит. Но его взгляд, неторопливый и цепкий, обводит комнату. И останавливается на мне.

Янтарные глаза. Цвета старого мёда на солнце. Рассматривают меня холодно, оценивающе. Так смотрят на вещь. На предмет. На досадную помеху.

— Кто такая? — голос низкий, властный, рокошующий. Он спрашивает не из любопытства. Он требует ответа.

Я открываю рот, но не знаю, что сказать. Правду? «Привет, меня зовут Марина, мне сорок пять лет, и, кажется, я умерла от алкогольного отравления и попала в тело вашей подружки»? Меня тут же отправят в психиатрическую лечебницу.

— Я... — начинаю я, но он перебивает меня.

— Что ты делаешь в моих покоях? — его взгляд скользит по моему серому платью, и я вижу, как он меня классифицирует. Служанка. Никто. Пыль под ногами.

— Ничего! — я отступаю к двери, но он встаёт с кровати, и я замираю.

Он полностью обнажён. Огромный, мускулистый, каждая линия его тела говорит о силе и власти. Шрам через левое плечо, ещё один на рёбрах. Татуировка на предплечье — какие-то сложные узоры. Он не стесняется своей наготы, наоборот — использует её как оружие.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, — приказывает он.

Я поднимаю взгляд на его лицо. Красив, как смертный грех. Резкие скулы, прямой нос, волевой подбородок с упрямой ямочкой. Губы чувственные, но сейчас сжаты в тонкую линию. Даже обнажённый, он излучает власть и высокомерие.

— Как тебя зовут? — продолжает допрос.

— Мар... — я запинаюсь. Марина? Или у этого тела другое имя?.

Он поворачивается к шкафу, достаёт тёмные брюки и неторопливо их надевает. Каждое его движение выверено, в нём нет ни капли спешки или смущения. Он полностью владеет ситуацией.

— Кто позволил тебе входить в мои покои, пока я сплю? — говорит он, натягивая рубашку. — Уборка начинается после того, как я проснусь, а не во время сна.

Уборка? А, он думает, что я пришла убираться!

— Я... прошу прощения, господин, — лепечу я, пытаюсь сыграть роль служанки. — Я не знала, что вы ещё спите.

— Запомни: в мои покои входят только по приказу и только в определённое время. Уборка — после завтрака, когда я ухожу по делам.

— Да, господин, — шепчу я.

— И ещё, — его голос становится тише, но от этого не менее угрожающим. — Если ты снова появишься здесь не вовремя, я прикажу выпороть тебя за нарушение порядка. А потом выгоню без жалованья. Понятно?

Я киваю, не доверяя своему голосу.

— Пошла вон, — бросает он.

Я не заставляю себя повторять дважды. Я срываюсь с места и бегу к двери. Рука дрожит, когда я хватаюсь за тяжелую бронзовую ручку.

— И передай своей старшей, — останавливает меня его голос. — Пусть лучше следит за своими девками. Или я найду себе новую экономку.

Я хлопаю дверью и бегу по длинному коридору. Каменные стены, гобелены, доспехи на подставках. Это действительно замок. Средневековый, настоящий замок.

Только когда коридор остаётся позади, я позволяю себе остановиться и перевести дух. Я прислоняюсь к холодной каменной стене, сердце бешено колотится.

Что за чертовщина происходит? Где я? Кто я теперь? И главное — как мне выбраться из этого кошмара?

2

Я неслась по коридору, не разбирая дороги. Паника, холодная и липкая, подгоняла меня, заставляя сердце колотиться в бешеном ритме. Босые ноги шлепали по ледяным каменным плитам, и каждый шлепок отдавался в гулкой тишине замка. Коридор казался бесконечным. По обеим сторонам — гобелены с изображением каких-то батальных сцен, где драконы сжигали целые армии, и застывшие в нишах статуи суровых воинов, которые, казалось, провожали меня осуждающими взглядами. Тусклый свет факелов в бронзовых держателях отбрасывал на стены пляшущие, уродливые тени, превращая мое бегство в какой-то сюрреалистический кошмар.

В голове царил хаос. Сорокапятiletняя Марина Волкова, бухгалтер с двадцатилетним стажем, в теле юной девушки, в каком-то средневековом замке, только что выскочившая из постели какого-то знатного мужчины. Звучит как завязка дешевого любовного романа, которые я иногда читала, чтобы отвлечься от серой реальности. Вот только теперь эта дикая фантазия стала моей реальностью. И она была совсем не романтической, а до дрожи пугающей.

Я завернула за угол, надеясь найти лестницу, ведущую к выходу, к спасению. Но вместо этого уперлась в развилку — два одинаковых коридора уходили в разные стороны. Ловушка. Лабиринт.

Я остановилась, тяжело дыша, пытаюсь унять дрожь в коленях. Нужно было успокоиться. Взять себя в руки. Мой жизненный опыт, моя единственная опора в этом безумном мире, кричал, что паника — худший советчик. Нужно было найти укромное место, затаиться, подумать. Собрать информацию. Но где?

В этот момент из-за поворота, откуда я только что прибежала, донеслись быстрые, торопливые шаги. Не тяжелая, размеренная поступь хозяина замка, а легкая, семенящая. Кто-то бежал за мной.

Сердце рухнуло в пятки. Все, попалась. Сейчас меня схватят, притащат обратно к этому холодному мужчине, и он уж точно не ограничится приказом «вон».

Я метнулась к тяжелой портюре, закрывавшей оконную нишу, и замерла за ней, превратившись в слух. Шаги приближались.

– Мэри! Слава Богам, я тебя нашла!

Меня резко схватили за руку и выдернули из укрытия. Я вскрикнула от неожиданности. Передо мной стояла совсем юная девушка, лет восемнадцати на вид, в точно таком же, как у меня, сером платье служанки. Ее можно было бы назвать миловидной, если бы не вечный испуг в огромных голубых глазах. Круглое, щедро усыпанное веснушками лицо сейчас было красным от бега, а светло-русая косичка растрепалась и смешно торчала в сторону.

– Ты где пропадала всю ночь? – затараторила она, не давая мне и слова вставить. Ее хватка на моем запястье была на удивление крепкой. – Госпожа рвет и мечет! Мы уже думали, ты сбежала! Я сказала, что у тебя живот прихватил. Нам срочно нужно ее к свадьбе готовить, иначе нас обеих выпорют и вышвырнут без жалования! Ты хоть понимаешь, что сегодня за день?

Она говорила быстро, сбивчиво, и каждое ее слово било по мне, как удар молота, вбивая гвозди в крышку гроба моей прошлой жизни. Мэри. Меня зовут Мэри. Я — служанка. Моя госпожа сегодня выходит замуж. У меня есть работа, невыполнение которой грозит поркой. Поркой!

– Я... я заблудилась, – выдавила я первое, что пришло в голову. Голос все еще был чужим, но сейчас это была наименьшая из моих проблем.

– Заблудилась? – девушка, кажется, ее звали Анита, если верить внезапно всплывшей в голове подсказке, недоверчиво хмыкнула. – Всю ночь плутала? Ну ты даешь, Мэри. Ладно, потом расскажешь.

Вдруг ее взгляд метнулся вниз, к моим ногам. Глаза девушки расширились от ужаса.

– Ты что, босая?! – прошипела она. – Мэри, ты с ума сошла? Если леди Агнес увидит...

Она не договорила, но по ее лицу было ясно, что наказание за такую оплошность будет страшным. Она огляделась по сторонам, словно ища шпионов, и с новой силой потащила меня в противоположную от нашего первоначального курса сторону, к неприметной маленькой двери в стене.

– Быстро! У нас в комнате есть запасные туфли. Всего минута!

Она толкнула меня в узкий, темный коридор для прислуги. Здесь не было ни гобеленов, ни статуй — только голые каменные стены и редкие, коптящие факелы. Мы пробежали несколько метров и нырнули в крошечную каморку. В ней едва помещались две узкие койки и небольшой сундук. Пахло сеном и мышами. Комната прислуги. Моя новая реальность.

Анита, не теряя ни секунды, бросилась к сундуку, подняла крышку и начала лихорадочно в нем рыться.

– Вот! – она извлекла на свет пару простых кожаных туфель без каблука, похожих на балетки. – Обувайся скорее! И чтобы я больше такого не видела!

Я молча села на край жесткой койки и быстро натянула туфли. Они были чуть тесноваты, но сейчас это было неважно. Пока я обувалась, Анита продолжала причитать, поправляя свой чепец.

– Бежим скорее! Главная камеристка, леди Элора обещала с нас обеих шкуру спустить, если мы через минуту не будем в покоях!

Она не стала дожидаться моего ответа, а просто потащила меня за собой по одному из коридоров. Я спотыкалась, едва поспевая за ней. Пазл в моей голове начинал складываться в уродливую, пугающую картину. Я оказалась в теле молодой служанки Мэри, в чужом мире, где порка — обычное дело. И, судя по всему, эта самая Мэри была не самой ответственной особой, раз умудрилась «пропадать всю ночь» перед таким важным событием. А расхлебывать все это придется мне.

Я позволила этой Аните тащить себя. Сейчас это был единственный способ не выделяться, слиться с обстановкой и получить жизненно важную информацию. Выжить. Это слово стало моим главным приоритетом.

– Ты хоть помнишь, что делать? – спросила Анна на бегу, бросив на меня встревоженный взгляд. – Платье готово, его нужно только отпарить. Потом принесут украшения из сокровищницы. Главное, не путайся под ногами у леди Агнес, она и так на взводе.

Я молча кивнула, стараясь запомнить каждое слово. Леди Элора. Леди Агнес. Анита. Мэри. Новые имена, новые лица, новые правила игры.

Мы добежали до массивной двустворчатой двери из светлого дерева, украшенной искусной резьбой. Анна, не сбавляя скорости, толкнула одну из створок, и мы влетели внутрь.

И я попала в эпицентр урагана.

Комната была огромной, залитой ярким утренним светом, который пробивался сквозь высокие стрельчатые окна. В центре, перед огромным зеркалом в позолоченной раме, сидела молодая женщина невероятной красоты. Она была прекрасна холодной, отточенной красотой статуи. Идеальная осанка, тонкие черты бледного лица, копна иссиня-черных волос, которые сейчас две девушки укладывали в сложную прическу. Ее темно-синее шелковое платье подчеркивало хрупкость фигуры.

Но сейчас ее лицо, было искажено гримасой гнева. Это, очевидно, и была леди Агнес, моя госпожа. Вокруг нее, словно пчелы вокруг матки, сустились еще несколько женщин в форменных платьях. Но одна из них, пожилая и строгая, с туго стянутыми в пучок седыми волосами, явно была здесь главной. Это, судя по всему, и была леди Элора, главная камеристка. Воздух звенел от напряжения.

– Наконец-то! – прошипела леди Элора, и ее голос был похож на змеиное шипение. – Где вас носит, бездельницы? Мэри, ты! Живо за утюги! Платье должно быть безупречным! Анита, помоги госпоже с корсетом!

Анита пихнула меня в сторону камина, где на специальной подставке уже грелись тяжелые чугунные утюги. Я подошла к ним, чувствуя на себе испепеляющий взгляд главной камеристки. Мои руки слегка дрожали. Я в жизни не пользовалась такими антикварными приспособлениями, но видела похожие в исторических фильмах. Делать было нечего. Я взяла один из утюгов, обернув ручку специальной тряпкой, как это делали другие, и подошла к огромному свадебному платью, расстеленному на специальном столе.

Я работала на автомате, стараясь повторять движения других служанок, молясь про себя, чтобы не прожечь тончайший белый шелк, расшитый жемчугом. Мозг лихорадочно анализировал ситуацию. Итак, я — Мэри, служанка леди Агнес, которая сегодня выходит замуж. Судя по роскоши замка и нервозности прислуги, жених — фигура очень, очень важная. И мне нужно было продержаться этот день. Просто пережить его, не наделав ошибок, которые могли бы стоить этому телу здоровья, а мне, возможно, и жизни. А потом... потом я что-нибудь придумаю и выберусь из этого мира. Я всегда находила выход из сложных ситуаций.

Я осторожно вела горячим утюгом по ткани, разглаживая невидимые складки. И краем уха ловила обрывки разговоров, жадно впитывая каждую крупницу информации.

– ...Лорд Кайден будет в восторге от нашей госпожи... – щебетала одна из служанок, помогая Аните затягивать корсет.
– ...говорят, он не улыбался с самой войны с горными кланами, такой суровый...
– ...надеюсь, красота леди Агнес сможет растопить его ледяное сердце...

Лорд Кайден. Имя прозвучало, как удар гонга, и у меня перед глазами встало его лицо. Суровое, властное, с глазами цвета расплавленного янтаря. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с удвоенной силой. Не может быть. Неужели леди Агнес, выходит замуж за того самого мужчину, из чьей постели я сбежала этим утром?

Мир качнулся, и я едва не выронила тяжелый утюг прямо на белоснежный шелк. Нет. Этого просто не может быть. Это слишком жестокая, слишком абсурдная ирония судьбы. Так не бывает даже в самых дурацких романах, которые я читала.

Бывает. Еще как бывает. Вселенная любит злые шутки. Я сглотнула вставший в горле ком.

3

Затхлый, душный воздух покоев леди Агнес, пропитанный густым ароматом пудры, страха и дорогих цветочных духов, давил на виски, усиливая тупую головную боль. Я двигалась как заведенная кукла, как бездушный механизм, подавая шпильки, расправляя бесконечный, тяжелый, как мои мысли, шлейф ее свадебного платья.

Моя задача, мой единственный способ выжить в этом абсурде, была проста – не отвлекаться. Стать невидимкой. Раствориться. Держаться в тени, подальше от ледяного взгляда госпожи и колючего, как репейник, взгляда ее главной камеристки, стервозной леди Элоры. Каждая минута, проведенная в этой душной, полной затаенной ненависти комнате, казалась пыткой.

Это все не мое. Платья, прически, эти люди, их страхи, их мир... Внутри все кричало, билось в беззвучной истерике: «Я хочу домой! В свою маленькую, захламленную квартиру с видом на серую многоэтажку, к своему дурацкому фикусу на подоконнике, к своей нормальной, понятной, пусть и несчастливой, жизни! Я должна найти способ вернуться!» Но снаружи я была лишь послушной служанкой Мэри, с безразличным, застывшим лицом выполняющей свою работу. Маска. Моя единственная защита.

Леди Агнес была на пределе. Ее холодный гнев, не прорывающийся криком, а застывший в уголках тонких, плотно сжатых губ и острых, как осколки обсидиана, взглядах, был страшнее любой истерики. Она была похожа на натянутую до предела струну, готовую вот-вот лопнуть и полоснуть по всем, кто окажется рядом.

Наконец, пытка сборов закончилась. Леди Агнес, закованная в белоснежный, сияющий шелк и холодный блеск бриллиантов, поднялась. Прекрасная, холодная, недостижимая. Изваяние из слоновой кости, в котором не было ни капли жизни. Она бросила на свое отражение в огромном зеркале тяжелый, высокомерный взгляд, и, не сказав ни слова, двинулась к выходу. Мы, серая стайка служанок, тенью последовали за ней.

Тронный зал ошеломил. Он обрушился на меня гудящим ульем из сотен голосов, ослепительным блеском тысяч огней, колышущимся морем шелков и драгоценностей. Со стен, с выцветших от времени знамен, на нас взирали драконы. Золотые, черные, серебряные, изумрудные. Их вышитые шелком глаза, казалось, следили за каждым движением, оценивали, судили. «Господи, только не говорите, что они здесь существуют на самом деле», — мелькнула паническая мысль, заставив сердце сжаться от нового, еще более глубинного ужаса.

Нас, прислугу, как безликий скот, загнали в темный угол у стены. Я с облегчением спряталась за широкой спиной какой-то девушки, от которой пахло свежим хлебом и корицей, и уставилась в пол, на носки своих чужих туфель. Лишь бы этот день закончился. Лишь бы выжить и найти способ вернуться. Это стало моей мантрой, моим спасательным кругом. Я прислушивалась к обрывкам разговоров знати, пытаясь собрать хоть какую-то информацию об этом мире, понять его законы, чтобы не оступиться.

– Говорят, его дракон – чистейший черный обсидиан, ни единого пятнышка, – прошеле-стел один бархатный женский голос совсем рядом, полный придыхания. – Сила невероятная. Вся знать здесь – потомки Древних, но его род – один из первых.
 – Неудивительно, что Алтарь сегодня будет особенно капризен, – ответил второй, чуть завистливый голос. – Такая кровь... Перед ней не устоит ни одна магия.

Я замерла, боясь дышать. Дракон? Кровь? Они говорили о нем... о женихе... как о настоящем, живом драконе? Мой страх обрел новую, чудовищную, чешуйчатую форму. Я попала не просто в прошлое. Я попала в мир, где правят монстры в человеческом обличье.

И тут зал стих. Резко, словно кто-то выключил звук. Я подняла глаза.

Он вошел.

Точнее, он уже был здесь, стоял у алтаря из черного, полированного камня, который, казалось, впитывал в себя свет. Но только сейчас, когда воцарилась тишина, вся мощь его присутствия обрушилась на зал, заставляя воздух потрескивать от напряжения.

Лорд Кайден. Парадный мундир иссиня-черного цвета, расшитый серебряной нитью под драконью чешую, сидел на нем как влитой, обрисовывая каждый стальной мускул. Властный. Опасный. Хищник на своей территории. Теперь я понимала, что это не просто метафора. Даже на расстоянии я чувствовала, как по спине побежали мурашки, а в животе завязался ледяной узел. Его лицо – непроницаемая маска. Ни волнения, ни радости, ни интереса. Лишь холодное, презрительное исполнение долга.

Заиграла тихая, торжественная музыка, и по центральному проходу повели леди Агнес. Ее отец, пожилой лорд с седой бородой и гордой осанкой, передал ее руку жениху. Его большая, сильная ладонь накрыла ее тонкую руку в перчатке. Он не удостоил ее даже беглым взглядом. Он смотрел поверх ее головы, на древнего жреца, и в его янтарных глазах плескалась скука.

Древний жрец, похожий на ожившую мумию, преобразился. Он воздел руки, и его гулкий голос ударил под своды: <bg> – Мы собрались здесь, чтобы скрепить союз двух великих родов! Союз, что принесет мир!

Он говорил что-то еще, про Древних Богов и волю Судьбы, но я почти не слушала. Все мое внимание было приковано к ледяной мощи, исходившей от жениха.

Кайден шагнул к алтарю и положил на него руку. Следом, едва заметно вздрогнув, свою ладонь пристроила леди Агнес.

– Да узрят Боги ваш союз! – взвыл жрец и забормотал что-то на гортанном, древнем языке, от которого у меня заложило уши.

Воздух загустел. Пламя свечей вытянулось, заплясало. Черный камень алтаря начал светиться изнутри тусклым, молочным светом. Красиво. Жутко. Все шло по плану.

И вдруг свет дрогнул.

Молочное сияние взорвалось алым. Кровавым. Агрессивным. Свет больше не ласкал, он впивался в их руки, как стая пираний. Леди Агнес вскрикнула, пытаясь отдернуть ладонь, но невидимая сила пригвоздила ее к камню. Жрец запнулся, его глаза вылезли из орбит. Гул в зале сменился испуганным ропотом.

Алая искра сорвалась с алтаря.

Крошечная, разъяренная молния прочертила воздух над головами ошарашенной знати и понеслась прямо ко мне.

Время замедлилось до одного кадра. Я видела перекошенные от изумления лица. Видела разинутый рот Аниты. Видела, как ледяная маска на лице Лорда Кайдена треснула, сменившись выражением чистого, незамутненного шока. В голове билась одна-единственная мысль, отчаянная и бесполезная: «Я хочу домой. В свой мир. Пожалуйста, пусть это закончится, и я проснусь в своей квартире...»

Я инстинктивно вскинула руку, пытаясь закрыться. И искра врезалась в мое правое запястье.

– Ай!

Острый, обжигающий укол, словно меня пронзили раскаленной иглой. Я вскрикнула, схватившись за обожженное место. И в ту же секунду от алтаря донесся низкий, яростный рык. Я подняла глаза. Кайден смотрел на меня и переводил взгляд на свою руку..

Дорогие мои, буду рада вашей поддержке. Нажмите "мне нравится", оставьте свой комментарий, всех вижу, всех читаю, всех люблю!

4

Зал замер. Не просто стих, а именно замер. Звуки, запахи, движение — все исчезло, схлопнулось в одну точку, центром которой была я. Тишина звенела в ушах, давила на барабанные перепонки, делая мой собственный сдавленный вздох похожим на раскат грома. Время остановилось, растягиваясь в бесконечную, мучительную секунду.

Сотни глаз, как сотни отравленных кинжалов, вонзились в меня. Взгляды, полные изумления, недоверия, презрения, злорадства и неприкрытого, жадного любопытства. Я, забившаяся в самый темный угол за спинами других слуг, внезапно оказалась на импровизированной сцене, под светом невидимых софитов.

Я опустила взгляд на свое запястье, все еще сжимая его другой рукой. Жжение прошло, сменившись странным, теплым, почти живым покалыванием. На бледной, нежной коже, там, где только что ударила алая искра, теперь расцветал узор. Он не был похож на ожог или рану. Он был похож на изысканную, живую татуировку, словно нанесенную лучшим мастером раскаленным серебром. Сложный, витиеватый орнамент из переплетающихся линий складывался в изображение свернувшегося в тугое кольцо дракона, который, казалось, кусал себя за хвост. Каждая чешуйка, каждый изгиб шипа на хребте, каждый коготь был прорисован с невероятной точностью. И он светился. Мягким, пульсирующим алым светом, в такт биению моего перепуганного сердца. Свет был неярким, но в сумраке зала его было отчетливо видно. Он был как клеймо. Как приговор. Как цепь, только что защелкнувшаяся на моем запястье.

Я рискнула поднять глаза. Лорд Кайдэн все еще стоял у алтаря. Он больше не рычал от боли. Он смотрел на свою правую руку, лежащую на черном камне, и его лицо превратилось в ледяную, непроницаемую маску. Но я видела, как ходят желваки на его скулах и как побелели костяшки пальцев, сжатых в кулак. И на его руке, на тыльной стороне ладони, пылал точно такой же узор. Такой же дракон, такой же пульсирующий алый свет. Метка. На нем. И на мне. Невидимая цепь связала нас на глазах у сотен свидетелей.

— Невозможно... — прошептал жрец. Его голос, до этого гремевший на весь зал, теперь был едва слышен. Он, пошатываясь, сделал шаг назад от алтаря, словно тот стал ядовитым. Его лицо, сморщенное, как печеное яблоко, было белым, как его ритуальные одежды. Он смотрел то на меня, то на Лорда, и в его глазах плескался первобытный, суеверный ужас, смешанный с благоговением. — Боги... Боги сделали свой выбор!

Он резко обернулся ко мне, и его голос, внезапно окрепнув, наполнился дрожащим, экзотическим трепетом. Он указал на меня своим костлявым пальцем, и мне показалось, что все в зале вздрогнуло.

— Избранница! Волею Древних, волею Судьбы! Назови свое имя!

Мир сузился до одной точки. Я, он, жрец и сотни любопытных, шокированных, осуждающих взглядов. Назови имя. Какое?! В голове было совершенно пусто. Я — Марина. Я не Мэри. Я не избранница. Я хочу домой! Я хочу проснуться в своей старой квартире, с головной болью от вчерашнего коньяка, но в своем мире, в своем теле!

Тишину разорвал яростный, полный ненависти и унижения визг.

Леди Агнес.

Она с силой отдернула свою руку от алтаря, словно обжегшись о его все еще тлеющее алым светом сердце. Ее прекрасное лицо, еще мгновение назад бывшее лишь холодной маской, теперь исказилось от злобы. Она развернулась, и ее взгляд, полный яда, впился в меня.

— Мэри Ройс! — прошипела она мое новое, чужое имя, и в нем было столько ненависти, что хватило бы отравить целый город. — Ах ты, дрянь!

С этим криком она, забыв про свое аристократическое достоинство, про свое роскошное платье, про сотни гостей, задрав подолы, бросилась ко мне сквозь ряды ошеломленных ари-

стократов. Прежде чем стража или кто-либо успел среагировать, она подскочила, как дикая кошка, и вцепилась обеими руками в мои волосы, с силой дернув на себя.

В глазах потемнело от острой, унижительной боли. Кожа на голове горела. Я вскрикнула, пытаюсь вырваться.

Начался невообразимый хаос. Зал взорвался криками. Гости ахнули и повскакивали со своих мест, как стая испуганных птиц. Женщины вскрикивали, мужчины что-то гневно кричали. Анита рядом со мной испуганно взвизгнула и отпрянула к стене, закрыв лицо руками. Двое стражников в начищенных латах, наконец опомнившись от шока, бросились оттаскивать мою разъяренную госпожу. Она рычала, вырывалась, пытаясь снова до меня дотянуться, ее идеальная прическа растрепалась, а бриллиантовая диадема съехала набок.

А он... Лорд Кайден... он просто стоял. Стоял, как изваяние, и смотрел на этот фарс с ледяным, всепоглощающим гневом в янтарных глазах. Он не вмешивался. Он просто смотрел. И этот взгляд был страшнее любого крика, страшнее любой пощечины. В нем читался приговор. Мне. Этому миру. Этим богам, которые посмели так жестоко над ним пошутить.

 Друзья, в рамках литмоба хочу познакомить вас с другой историей о попаданке в беременную.

<https://litnet.com/shrt/99xs>

Я была дизайнером, создающим роскошные наряды, а очнулась в чужом теле, в чужом мире и в браке с ледяным лордом, который ненавидит меня так сильно, что готов сослать на край света. Не сумев избавиться от меня по закону, он отправляет меня в изгнание в уединенное поместье, не подозревая о двух вещах. Первая — я ношу под сердцем его наследника. Вторая — я не та слабая леди, которую он презирает. Раз уж он оставил меня ни с чем, я снова построю свою империю с нуля, стежок за стежком, и докажу, что даже в глуши можно создать бизнес, который заставит считаться с собой весь мир.

 Но что от меня нужно мужу? Что значит, я стала истинной женой и должна вернуться? Я этого не планировала! У меня, между прочим, много заказов, и дела мне нет до того, что тебе там по праву принадлежит!

5

Меня не вели. Меня волокли, как мешок с протухшей картошкой. Два ходячих гардероба в плотном, иссиня-черном боевом облачении держали меня за плечи так, что кости, казалось, вот-вот с хрустом вылезут из суставов.

Унизительная, саднящая боль от вырванных Агнес волос, где кожа головы все еще горела огнем, смешивалась с липким, ледяным ужасом, ползущим по позвоночнику. Хаос и визг тронного зала остались где-то позади, сменившись гулкой, мертвой тишиной бесконечных каменных коридоров. Я не сопротивлялась. Какой в этом смысл? В этом мире, в этом хрупком девищем теле, я была слабее котенка. Весь мой прошлый жизненный опыт учил одному: когда против тебя система, не рыпайся. Затаись и ищи лазейку.

Коридоры здесь освещались не факелами. Вдоль стен на равном расстоянии друг от друга в бронзовых держателях парили светящиеся сферы, источавшие ровный, холодный, голубовато-белый свет. Он был безжизненным, как в операционной, и делал каменные стены еще более серыми и давящими. Ни теней, ни уюта, ни тепла. Только стерильная, холодная функциональность.

Резкий, безжалостный толчок в спину, и я, споткнувшись о порог, влетела в комнату, едва удержавшись на ногах. За моей спиной с тяжелым, финальным стуком, как крышка гроба, захлопнулась дубовая, окованная металлом дверь. В замке сухо, по-тюремному, щелкнул сложный магический механизм. Всё. Я осталась одна.

Я попала в логово хищника. В самое его сердце.

Комната, или, скорее, кабинет, была полной, абсолютной противоположностью залитых светом, почти воздушных покоев леди Агнес. Здесь царил сумрак, власть и пробирающий до костей холод. Воздух был густым, тяжелым, пропитанным запахом старой кожи, пергамента, дорогого, чуть горьковатого табака и той самой озоновой ноткой после грозы, которую я уже чувствовала утром. Запахом силы. Стены были от пола до потолка обшиты панелями из темного, почти черного мореного дуба, который, казалось, впитывал свет. Вместо светящихся сфер здесь источником света служили крупные, необработанные кристаллы, вмонтированные прямо в стены, которые пульсировали мягким, золотистым светом, похожим на застывшее пламя.

На одной стене висела огромная, во всю стену, карта на грубой коже, испещренная светящимися значками армий и жирными линиями фронтов. У другой стены, в специальных пазах, стояла стойка с оружием. Не парадным, не для украшения. Настоящим. Боевым. Мечи с широкими лезвиями, на которых плясали магические отсветы, острые, как бритва, кинжалы, массивный боевой топор — все отполировано до зловещего, маслянистого блеска.

Огромный стол был вырезан из цельного куска обсидиана, черного и гладкого, как застывшая лава. Он был завален аккуратными стопками свитков и тяжелыми фолиантами в кожаных переплетах. Все здесь, каждая деталь, кричало о полном отсутствии уюта, тепла и любой человеческой слабости.

Паника, которую я с таким трудом утратила куда-то вглубь, снова подняла свою уродливую голову. «Спокойно, Марина, — жестко приказала я сама себе. — Спокойно. Паника — это худший советчик. Думай. Анализируй. Ты была бухгалтером, ты умеешь находить логику в хаосе. Может, и в этом диком, первобытном безумии есть своя уродливая логика?»

Я на негнувшихся ногах подошла к стене напротив двери. Это было окно. О, нет, не окно. Это была цельная, от пола до потолка, стена из прозрачного, идеально гладкого кристалла, открывавшая панорамный вид на простиравшийся внизу мир. Замок стоял на вершине скалы, и с этой высоты были видны не только внутренние дворы, но и город у подножия, и лента реки,

и далекие леса. Вид был захватывающий и абсолютно ужасающий. Я была птицей в стеклянной клетке на головокружительной высоте. Прыгать отсюда было бессмысленно.

Дверь за спиной открылась абсолютно бесшумно. Я резко обернулась, и сердце пропустило удар.

На пороге стоял Лорд Кайден. Уже успел сменить свой парадный мундир на простую черную рубашку и темные брюки. Он вошел в кабинет, и его присутствие мгновенно высосало из него остатки воздуха. По крайней мере дышать мне стало, сильно сложнее.

Он не удостоил меня даже беглым взглядом. Его внимание было приковано к двери, в которую следом за ним двое слуг внесли... кресло. Тяжелое, громоздкое, из того же темного дерева, что и стены, с неестественно высокой спинкой и широкими подлокотниками, на которых зловеще поблескивали кожаные ремни с пряжками. Кресло для допросов? Недвусмысленное и откровенное в своей функциональности. Его поставили в центре комнаты, прямо напротив обсидианового стола. Идеальная позиция. Жертва на свету, палач в тени.

— Садись, — его голос был тихим, ровным, безэмоциональным, и от этого по спине пробежал ледяной пот.

Я не двинулась с места. Ноги, казалось, вросли в каменный пол.

Он поднял на меня свои янтарные глаза, и в них не было ничего, кроме холода вечной мерзлоты. — Я не люблю повторять.

Этот взгляд сломал мой паралич. Подчинившись его ледяному приказу, я, спотыкаясь, как марионетка, подошла к креслу и опустилась на его жесткое сиденье. Оно было холодным и неудобным. Созданным специально для того, чтобы ломать волю.

Кайден бесшумно обошел стол и сел напротив, в свое кресло. Он молчал. Просто сидел и изучал меня так, словно я была редким, отвратительным насекомым. Так смотрят на вещь, пытаясь понять ее устройство, перед тем как разобрать на части. Тишина давила, выматывала нервы. Он ждал. Ждал, пока я сломаюсь первой. Я вцепилась пальцами в грубую ткань платья и заставила себя смотреть ему в глаза.

— Мэри Ройс, — он произнес имя так, будто пробовал на вкус какую-то гадость. — Служанка мой невесты, леди Агнес из рода Валериан. Куплена на ярмарке в Южных землях два года назад. Сирота. Все верно?

Он знал. Конечно, он знал.

Я лишь молча кивнула, сглотнув вставший в горле ком.

— Хорошо, — продолжил он тем же ровным, убийственным тоном. — Теперь, когда с формальностями покончено, перейдем к сути. На кого ты работаешь?

Вопрос ударил под дых. Не «что случилось?», не «почему?». А сразу — «на кого?».

— Я... я не понимаю... я работаю на леди Агнес.

— Не лги мне, — его голос не повысился ни на децибел, но стал тверже стали. — Сегодня утром. Мои покои. Тебя не должно было там быть. Уборка в моих комнатах производится одной и той же доверенной служанкой, и это не ты. Стража у дверей тебя не видела. Но ты была там. Как ты вошла? И что ты там делала? Или хотела сделать?

В голове снова пронеслось: «Сказать правду? Привет, я умерла от коньяка и очнулась в теле вашей служанки на вашей кровати?» Нет. Это безумие.

— Я не помню... Совсем. У меня ужасно болит голова, я ничего не помню о прошлой ночи или этом утре.

— Удобная амнезия, — в его голосе прозвучала ледяная ирония. — Третий вопрос. Алтарь. Он не ошибается. Он реагирует на кровь и силу. У тебя нет ни того, ни другого. Значит, было вмешательство. Артефакт? Зелье? Запретное заклинание? Говори.

— Ничего! Я ничего не делала! — мой голос сорвался на отчаянный, жалкий крик. — Я клянусь, я просто стояла там!

— Ты либо невероятно искусная шпионка, либо очень глупая пешка, — он откинулся на спинку своего кресла. — И я выясню, что из этого правда. По законам этого королевства, за подлог на священном ритуале и срыв династического брака тебя ждет казнь. Мучительная. Публичная. И Я бы отдал приказ прямо сейчас.

Сердце не просто ухнуло в пятки. Оно остановилось.

— Но я не могу, — продолжил он, и в его голосе прозвучало неприкрытое, личное отвращение. Он брезгливо посмотрел на свою правую руку, на которой все еще слабо пульсировал алый дракон. Точно такой же, как на моем запястье. — Это клеймо... оно связывает нас. По законам Древних, я не могу причинить вред той, кого выбрал Алтарь. Пока эта метка на мне, ты находишься под моей защитой. Моей вынужденной, проклятой защитой.

Он произнес слово «защита» так, будто это было самое грязное ругательство.

— Но не заблуждайся, — он снова подался вперед, и его голос упал до ледяного, убийственного шепота. — Это не спасение. Это отсрочка. Я найду способ развязать этот узел. И я найду способ снять эту метку. Затем я лично прослежу, чтобы твой допрос прошел по всем правилам. В подземельях. С пристрастием. И ты расскажешь мне все.

6

Тишина, сгустившаяся после его слов, была плотнее камня. Я смотрела на него, оцепенев от ужаса, и понимала — это конец. Это был не просто приговор. Это было расписание моей будущей агонии. Неважно, что я скажу или сделаю. Он уже вынес свой вердикт. Виновна.

И в этот самый момент тишину разорвал шум за дверью. Сначала приглушенный, а затем громкий, яростный, полный праведного гнева мужской крик.

— ...откройте немедленно! Именем рода Валериан! Я требую видеть Лорда Кайдена! Я не позволю, чтобы честь моей дочери была так растоптана!

В дверь тяжело ударили кулаком, да так, что она содрогнулась в раме.

На лице Кайдена впервые отразилось что-то, кроме холодного гнева — искренняя, глубокая досада. Словно назойливая муха посмела прервать важный эксперимент. Он медленно поднялся, не сводя с меня своего тяжелого взгляда.

— Где эта тварь?! — ревел голос за дверью. — Эта портовая шлюха! Я вырву ее грязное сердце! Выдайте мне ее!

Лорд Валериан. Отец Агнес. Мой мозг, работающий в турборежиме, мгновенно сложил два и два. Скандал теперь ломился в дверь.

Кайден бросил на меня последний взгляд, тяжелый, как надгробная плита.

— Мы еще не закончили, — пообещал он тихим, полным угрозы голосом.

Он пересек комнату в три широких шага, одним движением деактивировал магический замок и распахнул дверь. На пороге, красный, как перезрелый помидор, тяжело дыша, стоял Лорд Валериан.

— Кайден! Что все это значит?! Ты позволишь какой-то деревенской девке...

— Не здесь, Валериан, — властно и холодно оборвал его Кайден. Он шагнул в коридор, и его широкая спина полностью закрыла меня от гневного взгляда лорда. — Мы обсудим это в малом зале совета. Негоже устраивать сцены.

Он повернул голову к двум стражникам.

— Никого не впускать. И ее, — он мотнул головой в мою сторону, — не выпускать, пока я не вернусь.

Дверь снова закрылась. Замок щелкнул с той же финальной неотвратимостью.

Я осталась одна. В клетке. Но теперь я знала, что за дверью меня ждет не только холодный допрос Кайдена, но и раскаленная ненависть обманутого аристократа. Время пошло.

Я вскочила с кресла. Ноги дрожали, но я заставила их держать меня. Мой взгляд метнулся по комнате, но уже не с паникой жертвы, а с отчаянием загнанного зверя, ищущего лазейку. Стол. Оружие. Кристальная стена.

«Пока я не вернусь».

Эта фраза билась в висках набатом. Она означала, что у меня есть время. Сколько? Пять минут? Десять? Это мой шанс. Единственный.

Бежать.

Это слово взорвалось в моей голове. Нужно бежать. Неважно куда. Просто прочь из этого кабинета. Потому что если я останусь, меня ждет либо быстрая и яростная смерть, либо медленная и мучительная.

Мой отчаявшийся взгляд снова обвел комнату. И замер на камине.

Он был огромным, высеченным из цельного куска черного камня, и в нем не горел огонь. Он был темным и холодным. Но что-то было не так. Я моргнула, потрянула головой. Мне показалось, или воздух вокруг него... он словно дрожал, подергивался едва заметной серебристой дымкой? Как марево над раскаленным асфальтом в моей прошлой жизни, только это марево было холодным, почти призрачным.

«Галлюцинации от страха», — пронеслось в голове. Я зажмурилась, потерла глаза костяшками пальцев и снова посмотрела.

Дымка не исчезла.

Наоборот, она словно сгущалась, становясь чуть более заметной. Она не была похожа на дым или пар. Она была живой, переливающейся, как перламутр. И концентрировалась она вокруг одной из каменных плит на задней стенке камина, очерчивая ее контур так, что он стал выделяться на фоне остальных.

Мой рациональный ум кричал, что это бред, игра воображения, последствие шока. Но что-то другое, какой-то новый, незнакомый инстинкт, заставил меня подойти ближе. Я, как замороженная, протянула руку к камину.

В тот миг, когда подушечки моих пальцев, пальцев с алым клеймом дракона на запястье, коснулись этого места, серебристая дымка вспыхнула и впиталась в камень. И одновременно я почувствовала легкую вибрацию.

Раздался не щелчок, а тихий, низкий гул, словно заработал какой-то древний механизм. Плита, которую подсвечивала дымка, беззвучно отошла в сторону, открывая за собой узкий, темный проход, из которого пахло сыростью и пылью веков.

Секретный ход.

Сердце заколотилось с новой, бешеной силой. На этот раз — не от страха. От шока и дикой, невероятной надежды. Я не знала, что это было. Не понимала, почему я увидела то, что, очевидно, было скрыто от чужих глаз. Но на размышления времени не было.

Я не колебалась ни секунды. Не оглядываясь, я шагнула в темноту. Плита за моей спиной так же бесшумно и плавно встала на место, погружая меня в абсолютный мрак и отрезая от кабинета дракона.

Я стояла в узком, как пенал, коридоре, сердце бешено колотилось в груди. Я не знала, куда он ведет — на свободу или в еще более страшную ловушку. Но одно я знала точно: я только что сбежала. И теперь я была беглянкой в чужом, смертельно опасном мире. И пути назад уже не было.

7

Воздух был спертым, тяжелым, пахнувшим вековой пылью, сыростью холодного камня и чем-то еще, едва уловимым — озоном, как от магических разрядов. Я стояла, не смея шелохнуться, прижав ладони к груди, чтобы унять бешено колотящееся сердце. В ушах стоял гул собственной крови. Паника, которую я с таким трудом подавила в кабинете, снова подняла свою уродливую голову, но теперь она была другой — не ледяной и парализующей, а острой, как игла, подстегивающей к действию.

«Думай, Марина, думай», — приказала я себе, мысленно вцепившись в свое настоящее имя, как в спасательный круг. «Ты сорокапятiletняя женщина, а не испуганная девчонка. Ты справилась с разводом, с предательством, ты годами сводила дебет с кредитом в хаосе налоговой отчетности. Неужели ты спасуешь перед обычной темной кладовкой?»

Но это была не кладовка. Это была ловушка. Я сделала крошечный шаг вперед, вытянув руки, и тут же наткнулась на шершавую каменную стену. Шаг в сторону — то же самое. Проход был невероятно узким. Я была замурована. Заживо. От этой мысли по спине пробежал холодок, куда страшнее сквозняка. Я сбежала из клетки, чтобы попасть в гроб.

И тут запястье обожгло знакомым теплым покалыванием, таким же, как у алтаря. Я вскинула руку, и алое клеймо вспыхнуло так ярко, что на миг ослепило меня, залив тесный каменный мешок пульсирующим красным светом. Я видела теперь узкие, покрытые пылью стены, низкий потолок и пол, выложенный неровными плитами. Свет был живым. Он становился все интенсивнее, пока, наконец, не отделился от моей кожи с легким шипением, словно горячий металл окунули в воду.

Сложный узор дракона соскользнул с руки и повис в воздухе передо мной, на глазах увеличиваясь и обретая форму. Это было невероятное, завораживающее зрелище. Светящиеся алые нити сплетались, уплотнялись, формируя полупрозрачное, но вполне осязаемое тело. Вот появились изящная голова с рожками, длинная гибкая шея, крылья, похожие на крылья летучей мыши, но сотканые из чистого света, и длинный хвост с кисточкой. Фигурка была маленькой, не больше моего предплечья, но в ней чувствовалась древняя, непостижимая мощь.

— Негодник! — раздался в моей голове скрипучий, старческий голос. — Просто подлец! Я ему истинную пару на блюдечке с золотой каемочкой принес, а он! Он посмел ее в кресло для допросов усадить! Варвар!

Дракончик сердито фыркнул, выпустив облачко алых искр.

— Кто... кто ты? — наконец выдавила я, ошарашенно глядя на светящееся чудо.

— Я — дух его рода! Хранитель крови! — сварливо ответил дух, подлетая ближе. — Алтарь не ошибается! И он выбрал тебя!

— Выбрал? Ошибка! Это все какая-то чудовищная ошибка! — воскликнула я.

— Ошибки нет, избранница, — в голосе духа прозвучал металл. — Я твою душу выдернул из другого мира!

Эта фраза ударила по мне, как кувалда. Весь страх и растерянность мгновенно сменились яростью. — Как ты посмел?! — закричала я, и мой чужой, высокий голос сорвался от гнева. — Ты куда меня выдернул?! У меня была своя жизнь! Да, не самая счастливая, но моя! Квартира, работа, развод с придурком, бутылка коньяка! Это был МОЙ выбор, МОЯ жизнь! Кто дал тебе право ее отнимать?!

— Тише ты, — голос духа стал неожиданно печальным, вся его ворчливость испарилась. Он подлетел еще ближе, и его алый свет стал мягче. — Думаешь, я сделал это из прихоти? Твоя жизнь... Нить твоей жизни в том мире почти истончилась. Твое сердце было слабым. Ты бы прожила еще неделю, не больше. И твоя душа просто бы угасла.

Я замерла, не в силах вымолвить и слова.

— Я спас твою душу от забвения, — тихо продолжил он. — А это тело... оно как раз опустело. Душа, что жила в нем до тебя, душа девушки Мэри, сотворила страшную подлость. Ты не просто так очнулась в постели с моим наследником. Это было частью ее плана. За это она лишилась права на перерождение и отправилась в Бездну Забвения, откуда нет возврата.

Я смотрела на него, и гнев уступал место ледяному, всепоглощающему шоку. Я должна была умереть. А девушка, чье тело я заняла, была настолько злой, что ее душу уничтожили.

— Какую... подлость? — прошептала я.

— Не сейчас, — отрезал дух. — Сейчас тебе нужно выжить. Я выдернул тебя, потому что ты все равно умирала, и потому что твоя душа — единственная, что подходит моему непутевому потомку. Ты его истинная. А теперь хватит разговоров! Следуй за мной! Хватит тут сырость разводить и пылью дышать.

Не дожидаясь ответа, дух дракона развернулся и уверенно полетел вглубь узкого коридора. Я, оглушенная его откровениями, последовала за ним на автомате.

Мы шли по бесконечным, пыльным проходам. Они были настолько узкими, что я постоянно касалась плечами холодных каменных стен, и грубая ткань платья неприятно терла кожу. Коридоры то уходили круто вверх, превращаясь в стертые, высеченные в камне ступени, то резко ныряли вниз, петляя, как змеиное гнездо. Несколько раз проход расширялся, образуя небольшие площадки, от которых в разные стороны расходились другие туннели, темные и безмолвные. Мой проводник ни разу не заколебался, уверенно выбирая нужный путь.

— Раньше за этими ходами следили, — не унимался он, покачиваясь в воздухе, как алый маятник. — А теперь, гляди-ка, паутина! Пыль! Стыд и срам! До чего Кайдэн замок довел! Все на свои войны тратит!

Мы прошли мимо узкой решетки, вделанной в стену. Из-за нее доносился гул голосов и лязг посуды. Пахнуло жареным мясом и свежим хлебом. Кухня. Желудок свело от голодного спазма. Я ведь с самого пробуждения ничего не ела.

Дальше коридор пошел резко вниз. Это была длинная винтовая лестница, такая крутая и узкая, что я боялась оступиться и кубарем покатиться в темноту. Ступени были стерты тысячами ног, а воздух стал влажным и холодным, запахло плесенью и стоячей водой.

— А это еще что за новодел? — проворчал дух, когда мы оказались перед глухой стеной. Он подлетел к одному из камней и неодобрительно ткнул в него носом. — Заложили проход! Архитекторы недоделанные! Придется в обход.

Он свернул в боковой туннель, еще более низкий и тесный. Мне пришлось согнуться в три погибели. В одном месте нам пришлось перелезть через завал из осыпавшихся камней. Я ободрала руки и колено, едва не взыв от боли и досады. Тесные туфли, которые мне выдала Анита, безжалостно жали.

— Осторожнее, тут сквозит, — предупредил дух.

Я подняла голову и увидела, что мы идем по узкому карнизу. Слева была стена, а справа — чернота. Глухая, бездонная пропасть, из которой тянуло могильным холодом и слышался далекий шум воды. Сердце ухнуло куда-то вниз. Один неверный шаг — и все.

— Не дрейфь, — хмыкнул мой проводник. — Это всего лишь подземная река. Раньше тут мост был, да, видать, сгнил. Ничего, осталось немного.

Этот участок пути показался мне вечностью. Я шла, вжимаясь в стену, не глядя вправо, ставя ноги с черепашьей скоростью и моля всех богов, и местных, и своих, только бы не сорваться.

Наконец, карниз снова перешел в закрытый коридор. Я прислонилась к стене, пытаюсь перевести дух. Я была вся в пыли, платье порвано, руки в ссадинах, сердце колотилось где-то в горле.

— Так, слушай сюда, — дух завис на уровне моего лица. Его алый свет казался теплым и успокаивающим в этом холодном аду. — За этой дверью задний двор. Там сейчас стоит повозка торговца, он продает кухонной челяди всякий хлам. У тебя есть что-то ценное?

Я лихорадочно пошарила на шее. Да, тонкая серебряная цепочка, была на шее.

— Отлично, — кивнул дух, хотя у него и головы-то толком не было. — Отдай эту цепочку торговцу. Скажи, что тебе нужно срочно уехать из города. Он мужик жадный, за серебро поможет. Договорись, чтобы он спрятал тебя под брезентом и вывез за ворота. Поняла?

Я торопливо кивнула, сжимая в руке холодный металл цепочки.

— Действуй! — скомандовал дух. — И помни, мы еще вернемся и покажем этому Кайдуну кузькину мать! А про подлость твоей предшественницы, не переживай, он в подарок для тебя обернулся! Спросишь у меня потом, я расскажу.

Я глубоко вздохнула, собирая остатки мужества, толкнула тяжелую, скрипнувшую дверь и шагнула из темноты наружу. Яркий свет резанул по глазам. Прямо передо мной стояла запряженная старой клячей повозка, доверху набитая какими-то мешками и тряпьем. Рядом прохаживался мужчина средних лет с хитрыми глазками-бусинками и жидкой бородкой, тот самый торговец.

Как только я вышла из потайной двери, которая тут же слилась со стеной, алый свет за моей спиной исчез. Я почувствовала, как дракончик вливается обратно в мою руку, становясь просто светящимся узором на коже.

«Я пока отдохну, сил наберусь», — прозвучал его голос у меня в голове, на этот раз сонный. — «Теперь ты сама».

Торговец заметил меня и смерил оценивающим взглядом с ног до головы, задержавшись на моем грязном и порванном платье служанки.

— Чего надобно, девка? — спросил он, сплюнув на землю. — Вид у тебя, будто тебя драконы трепали.

Дрожащими пальцами я протянула ему цепочку. — Мне нужно уехать. Прямо сейчас. Из города. Помогите, и это ваше.

Его глаза жадно блеснули. Он выхватил цепочку из моей руки, потер ее о рукав, даже попробовал на зуб. Убедившись, что это настоящее серебро, он быстро спрятал ее в карман и кивнул в сторону повозки. — Лезь под брезент. И чтоб до самых ворот ни звука, поняла? Поймают — я тебя не знаю.

— Я ничего не скажу, — прошептала я, торопливо забираясь вглубь вонючего тряпья. Пахло прелой соломой, луком и чем-то кислым.

Торговец грубо накрыл меня пыльным, жестким брезентом. Я слышала, как он кряхтя взобрался на козлы и щелкнул вожжами. Повозка дернулась и медленно покатила по брусчатке заднего двора в сторону главных ворот.

8

Сон был спасением. Вязкий, тяжелый, но на этот раз не пустой. Он утащил меня домой, в мою старую, заставленную книгами квартиру. Мне снился мой бывший муж, еще молодой, без седины в волосах и усталости в глазах. Он обнимал меня и говорил то, что я так давно хотела услышать: «Мариночка, я люблю тебя. Мы всегда будем вместе, ты мое все». Этот сладкий обман был настолько реальным, что я плакала во сне от счастья, вдыхая его давно забытый запах.

Пробуждение было резким и безжалостным, как удар под дых. Не от толчка на ухабе и не от холода. Оно вырвало меня из теплой лжи и швырнуло обратно в реальность. Я проснулась от назойливого, почти физически ощутимого чувства, что на меня кто-то пялится.

Я разлепила веки, и несколько секунд не могла понять, где нахожусь. Вместо потолка моей спальни — грязный, пахнувший пылью брезент. Вместо мужа — светящееся алое нечто, зависшее прямо перед моим носом. Воспоминания обрушились лавиной: развод, коньяк, чужое тело, побег из замка... и эта повозка. Горечь от сна смешалась с ледяным ужасом реальности.

— Наконец-то! — проскрипел в моей голове знакомый старческий голос. — Я уж думал, ты решила проспать все на свете!

Ворчун. Мой персональный светлячок-истеричка. Он раздраженно хлестнул по воздуху хвостом из алых искр.

Я села, отчего голова тут же отозвалась тупой болью.

— Какого черта... — просипела я, пытаюсь проморгаться и окончательно вынырнуть из остатков сна.

— Какого черта мы до сих пор едем! — передразнил дух, подлетая к щели в брезенте. — Глянь! Солнце уже почти село за лесом! Мы должны были прибыть в город еще в обед! Этот смертный нас обманывает!

Я подползла к краю и осторожно выглянула наружу. И правда. Вечерний багрянец уже заливал верхушки деревьев, а повозка все так же монотонно тащилась по глухой лесной дороге. Никакого города и в помине не было. Холодная змейка тревоги, подстегнутая зловещим предчувствием Ворчуна, зашевелилась в животе.

— Иди, спроси у этого торгаша, куда мы едем, — властно скомандовал Ворчун.

Я посмотрела на светящуюся фигурку с плохо скрываемым раздражением. Усталость, боль от разбитых иллюзий из сна и вечный страх делали меня злой.

— А что, сам спросить не можешь? Ты же у нас дух великого рода, вот и покажи свою спесь.

Дракончик замер, а потом медленно развернулся ко мне. Его алый свет на мгновение вспыхнул ярче, и в голосе прозвучал металл, смешанный с высокомерным снисхождением.

— Дура, — отчеканил он. — Меня, кроме тебя, никто не видит и не слышит.

— Это еще почему? — опешила я.

— Потому что я — часть наследия рода Кайден! — Он горделиво выпятил свою светящуюся грудь. — Я проявлюсь в этом мире для всех, но только после того, как мой непутевый потомок, Лорд Тэрон Кайден, признает и примет тебя. Полностью. Как свою истинную. Когда его сердце и душа признают в тебе свою половину, тогда и родовой дух станет зримым для мира, скрепляя ваш союз. А до тех пор, — он смерил меня уничижительным взглядом, — для всех остальных ты просто девка, говорящая сама с собой. Так что поднимай свое тело и иди задай вопрос. Живо!

Аргумент был железный. И пугающий. Моя судьба в этом мире, оказывается, напрямую зависела от чувств мужчины, который мечтал меня прикончить. Веселенькая перспектива.

Делать нечего. Собрав всю свою волю в кулак, я отодвинула край вонючего брезента и, стараясь не шуметь, выбралась из своего укрытия на трясущиеся ноги. Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, принося с собой запах сырой земли и хвои.

— Эм, господин... — мой новый, чужой голос прозвучал слабо и неуверенно.

Фигура торговца на козлах не шелохнулась. Он даже не повернул головы.

Я сделала еще пару шагов, цепляясь за борт повозки.

— Господин! Я спрашиваю, куда мы е...

Он повернулся. Резко, беззвучно, как хищник. И в его руке была не вожжа. В тусклом свете заката я увидела тяжелую, сучковатую дубину, которую он сжимал побелевшими пальцами. В его глазах-бусинках не было ни капли тепла — только холодная, деловитая жадность.

В этот момент я поняла все. И про долгую дорогу, и про глухой лес, и про его молчание. Дура. Какая же я дура.

Я открыла рот, чтобы закричать, отшатнуться, но не успела. Дубина со свистом прочертила воздух. Мир взорвался ослепительной болью прямо за ухом, и последнее, что я почувствовала, — это как земля уходит из-под ног, увлекая меня в темную, липкую пустоту.

Возвращение было медленным и мучительным, как всплытие из-под толщи ледяной воды. Первым вернулся звук — назойливый, гудящий, он сверлил мозг изнутри. Затем пришла боль. Тупая, пульсирующая, она гнездилась где-то за правым ухом и волнами расходилась по всему черепу при каждом толчке повозки. Я попыталась застонать, но из горла вырвался лишь хриплый, едва слышный сип. Во рту был мерзкий привкус запекшейся крови.

— Эй! Ты! Прекрати немедленно!

Голос. Резкий, паникующий, но при этом не злой. Он пробился сквозь пелену боли, становясь все громче и отчетливее.

— Ты что, умереть надумала?! В этой грязной телеге?! Если твое хрупкое тело сейчас откажет, мой потомок тоже богам представиться, я такого позора не переживу, дух рода, угробил собственный род! Очнись, я кому говорю!

Я заставила себя разлепить свинцовые веки. Все тот же полумрак под вонючим брезентом, все та же тряска. Только теперь рядом со мной, почти касаясь моего лица своей светящейся мордой, висел взволнованный до предела дух-дракон. Его алое сияние было каким-то тусклым и прерывистым, словно разрядившаяся батарейка.

— Слава Древним, ты очнулась! — выдохнул он с таким облегчением, что его фигурка перестала дрожать. — Я уж думал, твоя душа решила покинуть это хрупкое тело!

«Я и сама почти на это надеялась», — мрачно подумала я, но вслух смогла лишь снова сипло кашлянуть.

— Боюсь, радоваться рано, — его голос снова приобрел привычные ворчливые нотки. — Похоже, мы сменили одну незавидную участь на другую, куда более плачевную. По крайней мере, в замке тебя бы просто казнили. Быстро и, возможно, даже милосердно. Куда нас везет этот предатель — боюсь даже предположить.

Он оказался прав. Мы все еще ехали. Значит, я была в отключке не так уж и долго. Голова раскалывалась, но мысли понемногу прояснялись. Меня ударили. Предали в очередной раз. И теперь везут... куда?

Внезапно скрип колес замедлился. Повозка, дернувшись в последний раз, остановилась.

— Тихо! — шикнул Ворчун, его фигурка снова напряглась. — Не шевелись! Остановились. Притворись, что ты все еще без сознания! Быстро!

Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Я тут же закрыла глаза, обмякнув всем телом и постаравшись сделать дыхание ровным и почти незаметным.

Снаружи послышались тяжелые, уверенные шаги. Не суетливая семенящая походка торговца, а медленная, тяжелая поступь человека, который никуда не торопится. Шаги замерли у самой повозки. Затем низкий, мужской голос произнес одно-единственное слово:

— Привез?

— Куда я денусь, господин, — подобострастно, почти заискивающе, ответил знакомый голос моего похитителя. В его тоне не осталось и следа той грубости, что была со мной. Теперь он напоминал мелкую шавку, виляющую хвостом перед волкодавом. — Вот, как и договаривались. Свежий товар. Все как просили, точно в срок.

Тяжелый брезент с грубым шорохом откинули. Даже сквозь плотно сжатые веки я почувствовала, как душный полумрак моего укрытия пронзил неровный, пляшущий свет огня. Вместе с ним пришел и запах — едкий дым и горячая смола. Я затаила дыхание, ощутив на себе чужой взгляд. Он был тяжелым, бесцеремонным, оценивающим. Так мясник прикидывает, сколько мяса на туше, прежде чем пустить в ход нож.

— На вид тощая, — пробасил второй голос, и я почувствовала, как меня грубо схватили за подбородок и повернули голову к свету. Пальцы были жесткие, мозолистые, от них несло застарелой грязью. — Костлявая. Вся в синяках. Ты мне полудохлую тушку привез? Работать-то сможет?

— Сможет, еще как! — засуетился торговец, и его рука легла мне на плечо, ощупывая кости. — Крепкая, господин, уверяю! Жилы, а не девка! И упрямая — это хорошо, значит, есть сила. А дурь-то из нее быстро выбьют, сами знаете... Пару дней не покормить — шелковая станет. Так что дадите за нее?

Я лежала, едва дыша, и каждое слово, произнесенное над моей головой, впечатывалось в мозг раскаленным железом. Товар. Девчонка. Костлявая. Что дадите за нее? Раньше меня оценивали по квартальным отчетам и знанию налогового дела. Теперь — по предположительной выносливости и способности молчать после голодовки. Своего рода карьерный рост, только вертикально вниз. Я перестала быть человеком, перестала быть даже Мариной или Мэри. Я стала вещью, одушевленным мешком с костями, который придирчиво осматривали перед покупкой.

— Пять серебряных, — лениво бросил покупатель после долгой, унижительной паузы. В его голосе сквозило откровенное пренебрежение. Видимо, осмотр его не впечатлил.

— Семь! — взвизгнул торговец, в его голосе отчаяние смешалось с жадностью. — Она того стоит, крепкая! Молодая!

— Шесть, — тон покупателя стал твердым, как камень, и не допускающим возражений. Я услышала, как он смачно сплюнул на землю. — И это мое последнее слово. Забирай, пока я не передумал и не велел выпотрошить тебя за то, что отнимаешь мое время.

Последовала короткая, звенящая тишина, а затем я услышала не звон, а тяжелый, глухой стук монет, которые, видимо, пересыпали не в кошель, а прямо в потную ладонь торговца.

Сделка состоялась. Моя жизнь, была оценена в шесть серебряных монет.

В голове не просто зашипело — в виски будто вонзились раскаленные иглы от беззвучного крика, заставляя меня стиснуть зубы, чтобы не застонать.

— Мерзавцы! Невежественные скоты! Какой позор... — злился дракоша.

Я не отвечала, боясь даже мысленно выдать себя. Один случайный вздрагивающий вздох, одно неверное движение — и они поймут, что я в сознании. А он продолжал, и я чувствовала, как его голос дрожит у меня в сознании:

— Терпи, дитя. Просто терпи. Когда мой Потомок поймёт, что ты его истинная, когда влюбится и найдёт тебя, я лично прослежу, чтобы он содрал с них кожу и скормил её болотным тварям. Они заплатят за это унижение... за наше унижение.

— Забирайте, — бросил торговец, прерывая его. Голос торговца был реальным, а обещания дракона — лишь шумом в моей больной голове. Я услышала глухой стук его ног о землю — он спрыгнул с повозки, торопясь завершить дело.

Меня схватили. Грубые, жесткие руки впились в мои плечи, безжалостно рывком поднимая вверх. Мышцы, и без того сведенные от напряжения, прошило током от боли. В нос

ударил такой густой и тошнотворный запах немытого тела, дешевого алкоголя и кислого пота, что к горлу подкатила тошнота. Меня поволокли из повозки, ноги зацепились за борт, а голова безвольно мотнулась, отзываясь новой, ослепительной вспышкой боли в затылке.

Затем один из мужчин, с натужным кряхтением закинул меня на плечо, как безвольный мешок с картошкой. Это было унижительно и больно. Кровь прилила к голове, усиливая гул в ушах. Жесткая кость его плеча впивалась мне в живот, мешая дышать, а ноги безвольно болтались за спиной. С каждым его шагом мое тело сотрясалось, и боль в голове превращалась в один сплошной, мучительный импульс.

Вскоре запахи изменились. Запахло сыростью, плесенью. Мы начали спускаться. Скрипнула тяжелая дверь. Шаги загрохотали по каменным ступеням, ведущим вниз, в темноту.

Меня грубо сдернули с плеча. Я услышала, как отодвигают тяжелый засов. Дверь со стоном отворилась, и из проема пахнуло могильным холодом. Не говоря ни слова, меня просто швырнули вперед.

Я пролетела пару метров и с глухим стуком рухнула на что-то твердое и ледяное. Каменный пол. Боль от падения взорвалась в затылке и плече, вышибая из легких остатки воздуха. Я лежала, не в силах пошевелиться, слушая, как за моей спиной с грохотом захлопывается тяжелая дверь.

Финальным аккордом стал скрежет засова, вгоняемого в пазы.

Все. Я осталась одна. В полной темноте. В холодном, вонючем подвале. Проданная. И запертая.

9

Некоторое время я просто лежала на холодном полу, вслушиваясь в гул собственной крови.

— Ну и дыра! — прошипел дух. — Какой позор... Избранница великого рода валяется в грязном подвале!

Я не ответила. Я пыталась заставить тело подчиняться. Пальцы слабо дрогнули. Еще усилие. Я смогла согнуть их в кулак. Медленно, преодолевая боль, я села, прислонившись к влажной стене. Тьма была абсолютной. Она обволакивала, давила.

Именно тогда, в этой черной тишине, я услышала его. Тихий всхлип из дальнего угла. Я не одна.

— Эй? — голос прозвучал как чужой, надтреснутый хрип.

Всхлип оборвался. Шуршание. Кто-то испуганно замер. — Кто здесь? — повторила я.

— Такие же, как ты, — донесся из темноты дрожащий ответ.

Еще шуршание. Они подползли ближе. Теперь я чувствовала их присутствие рядом. Две тени во мраке.

— Ты... в порядке? — спросила одна из них. Голос молодой, но уже надломленный.

— Да, — ответила я. — Где мы?

— В подвале. Под лесной корчмой, — ответила та же девушка.

— Я Элара.

— Лиз, — прошептала вторая. И снова всхлинула. — Мне страшно...

— Нас похитили, — продолжила Элара, пытаясь успокоить Лиз. — Меня с поля. Ее из деревни.

— И что теперь будет? — спросила я.

— Теперь... — Элара замолчала, подбирая слова. — Я слышала, как они говорили. Снаружи. Ждут еще двоих. А потом — через границу.

— Куда?

— В Южные Королевства. Там... покупают.

Слово «покупают» повисло в затхлом воздухе. Оно было страшнее слова «убьют».

— Служанками? — с надеждой спросила Я.

— Иногда, — глухо ответила Элара. — Если повезет. Если господин попадетсся хороший.

— А если... не повезет? — выдохнула Я.

Элара долго молчала. Я слышала, как она нервно теревит край своего платья.

— Есть дома... в портовых городах. Куда мужчины приходят... платить за женщин.

Даже в темноте я почувствовала, как Лиз замерла. У меня у самой по спине пробежал лед. Не нужно было больше никаких объяснений.

— Не бойся! — взвился дух в моей голове, его ярость была почти осязаемой. — Не слушай ее! Никаких портовых домов! Ты — Избранница Алтаря! Судьба моего наследника связана с тобой! Я не допущу такого унижения! Это исключено!

Его высокомерие, его оторванность от нашей реальности, от этого холодного подвала и запаха страха, взорвали мое терпение.

— О, ты не допустишь? — произнесла я вслух, и мой голос, полный ледяной, ядовитой иронии, прорезал темноту. — А что ты сделаешь, позволь спросить? Зашипишь по громче в моей голове? Или, может, ослепишь их своим негодованием?

Мертвая тишина. Даже дух ошарашенно замолчал. А потом из угла донеслось испуганное шуршание. Две тени отшатнулись от меня, вжимаясь в стену.

— С кем... с кем ты говоришь? — пролепетала Элара. Ее голос дрожал от суеверного ужаса.

Я поняла свою ошибку слишком поздно. Для них я сидела в темноте и спорила с пустотой.

— Она... она сумасшедшая, — прошептал голос Лиз, полный ужаса. — От удара... видимо умом тронулась.

— Тише ты, — шикнула Элара. — Не зли ее.

Я закрыла глаза, и горькая усмешка скривила губы. Великолепно, Марина.

— Вот видишь? — подал виноватый голос дух. — Теперь они боятся тебя. Мы должны держаться вместе, а ты...

— Это ты довел меня! — прошипела я уже шепотом, сквозь зубы. — Я здесь по твоей воле!

Ответом было обиженное молчание. Ядовитые слова повисли в спертom воздухе подвала, смешиваясь с запахом плесени и страха. В своем углу, прижавшись друг к другу, дрожали две девушки. Они больше не плакали, их слезы иссякли, сменившись тихим, животным ужасом. Ужасом не только перед похитителями, но и передо мной.

Я откинула голову назад, прижавшись затылком к холодным, влажным камням. Боль в голове немного утихла, уступив место всепоглощающей усталости. Хотелось просто закрыть глаза и не просыпаться. Никогда. Вернуться в ту сладкую пустоту, из которой меня так бесцеремонно выдернули.

— Ладно, хватит киснуть, — нарушил тишину голос духа. В нем слышались примирительные нотки. — Нужно думать. Паника — плохой советчик, сама знаешь.

Я горько усмехнулась. «Думать. Отличный план. А главное — свежий».

— Эта метка на твоей руке, — продолжил он, словно не заметив моего сарказма. — Это не просто клеймо. Это источник силы. Кайдэн уже должен был почувствовать, что с тобой беда. Он ищет тебя.

Эта мысль была настолько дикой, что я чуть не рассмеялась вслух.

— Ищет, чтобы свернуть мне шею, когда найдет, — пробормотала я.

— Глупая! — в голосе духа снова зазвучал металл. — Ты до сих пор ничего не поняла! Если умрешь ты, умрет и он! Таков закон метки! Связь абсолютна. Он ищет тебя не из благородства. Он ищет тебя, чтобы спасти собственную шкуру!

Я замерла. Воздух вдруг перестал поступать в легкие. «Что?..»

— Думаешь, наш Алтарь — это просто брачный регистратор? Он связывает души. Одну жизнь на двоих, одна судьба. Он не может причинить тебе вред, а если с тобой что-то сделают другие — он почувствует твою боль, как свою. А твоя смерть станет его смертью. Поэтому он перевернет все королевство, но найдет тебя. Живой.

Информация обрушилась на меня, как тонна кирпичей. Это меняло все. Абсолютно все. Я больше не была беспомощной жертвой. Я была... заложницей, от жизни которой зависела жизнь самого могущественного и опасного мужчины в этом мире. Я была его ахиллесовой пятой.

Внезапно в темноте раздался новый звук, заставивший всех нас вздрогнуть. Скрежет металла о камень. Снаружи отодвигали тяжелый засов.

Лиз испуганно взвизгнула и вцепилась в Элару. Я выпрямилась, сердце бешено заколотилось.

10

Дверь распахнулась, и в проём ввалился мужик. Факел в его руке вырвал из темноты подвала грубые черты, небритые щеки, маленькие свиные глазки. От него ударило таким перегаром, что я аж поморщилась.

— Ну что, красавицы, скучаете? — Его голос был сальным, от него мутило.

Он швырнул на пол кувшин с водой и ломоть черствого хлеба. Я сморщилась от отвращения, глядя на эти крошки.

— И это всё? — Слова вырвались раньше, чем я успела прикусить язык. — Собак и то лучше кормят!

Дух в моей голове заворчал: *"Умница. Давай-давай, распускай язык. Это именно то, что нам сейчас нужно."*

Я почувствовала, как воздух в подвале сгустился, стал вязким. Элара замерла, Лиз прикрыла рот ладонью, подавляя всхлип. Мужик медленно повернулся. Уголки его рта поползли вверх, в глазах зажглись огоньки.

— А у нас тут бунтарка.

Он сделал шаг ко мне. Я попыталась отползти, но стена уже была за спиной. Его рука метнулась вперёд, пальцы вцепились в мои волосы, прямо у корней, и дёрнули. Боль полоснула по коже головы, из горла вырвался крик. Он притянул меня к себе.

— Вот что я тебе скажу, дерзкая. — Его вонючее дыхание опалило мне лицо. — Таких, как ты, в Красном квартале особенно ценят. Мужики любят ломать гордычек.

Он дёрнул волосы снова, наматывая их на кулак. Слезы выступили на глазах.

— Готовься ублажать по десять клиентов за ночь, пока тебе кости не переломают.

"Я-то думал, худший сценарий — это мой идиот-потомок тебя зарубит мечом. Оказывается, человеческая фантазия куда богаче," — ехидно съязвил дракоша, и я чуть не застонала от бессильной ярости.

Его свободная рука скользнула по моей щеке. Я содрогнулась.

— Мне как раз велели присмотреть строптивую, для особенного клиента. Он любит...

Внезапно наверху что-то взорвалось. Грохот ломающегося дерева, крики, лязг стали.

"А, наконец-то! Мой бездарный наследник соизволил припереться. Впрочем, учитывая его обычную скорость, это почти рекорд!" — хмыкнул дух.

Похититель отпустил мои волосы и развернулся к лестнице, хватаясь за нож у пояса.

— Что за...

Звуки битвы нарастали. Низкий, властный голос выкрикивал приказы. Предсмертный вопль, ещё один... И тишина.

"Ну что ж, видимо, Кайдэн всё-таки чему-то научился. А то я уже начал сомневаться," — самодовольно проворчал дракон.

Тяжёлые шаги. Медленные, размеренные, как у победителя. Похититель побледнел, выхватил нож и прижался спиной к стене. В этот момент алое клеймо на моём запястье обожгло кожу.

"Эх, зрелище предстоит что надо! Мой горячий мальчик сейчас устроит тут настоящий спектакль. Правда, боюсь, концовка тебе не очень понравится..." — предупредил дух с плохо скрываемым предвкушением.

Я знала эти шаги.

В дверном проёме появилась фигура. Лорд Кайдэн. Он заполнил собой всё пространство. Чёрная одежда сливалась с тенями. Лицо — каменная маска. Но глаза горели холодным янтарным пламенем. Его взгляд скользнул по подвалу, остановился на похитителе.

— Лорд... лорд Кайден?! — Похититель рухнул на колени, нож выпал из пальцев. — Я не знал! Клянусь, не знал, что тут кто-то из ваших!

Кайден шагнул в подвал. Воздух сгустился, стало трудно дышать.

— Где остальные? — Голос тише шёпота, но каждое слово резало.

— Все здесь! Кянусь! — Похититель бился лбом о каменный пол. — Пощадите! У меня жена, дети!

— Теперь у них будет больше еды. — Кайден даже не дрогнул.

"Ох, какой циничный! Прямо в меня пошёл!" — довольно заметил дух.

Кайден даже не коснулся меча. Просто взмахнул ладонью. Похититель вспыхнул. Алое пламя поглотило его за секунды. Не осталось даже пепла.

"Эффектно! И главное — без лишних телодвижений. Вот это я понимаю — экономия энергии!" — одобрительно хмыкнул дракоша.

Лиз завизжала и осела на пол. Элара закрыла лицо руками. Кайден подошёл ко мне. Желваки ходили на его скулах, кулаки сжались. На тыльной стороне его руки алое клеймо пульсировало в такт моему сердцу.

— Встань.

"А теперь самое интересное! Он будет сражаться сам с собой — спасти тебя и ненавидеть за это. Развлечение высшего сорта!" — ликовал дух.

Я поднялась на дрожащих ногах.

— Ну ты и идиот, — сказала я тихо, обращаясь к дракону. Но поняла, что Кайден услышал это и принял на свой счёт, когда он уставился на меня так, будто хотел сжечь тем же пламенем.

Он резко развернулся к выходу.

— Идём.

— А они? — Я кивнула на Элару и потерявшую сознание Лиз.

— Не моё дело.

"Какой сентиментальный! Прямо слезы на глаза наворачиваются..." — съязвил дракон.

Я осталась стоять.

— Их заберёт отряд, — раздражённо бросил он, уже поднимаясь по лестнице.

Элара подняла на меня заплаканные глаза.

— Иди, — прошептала она.

Наверху была бойня. Тела похитителей валялись повсюду. Одни изрублены мечом, другие обуглены алым огнём. Кайден прошёл между ними, не удостоив их взглядом.

"Мм, профессиональная работа! Я горжусь своим потомком! Хотя мог бы и пощадить парочку для допроса. Ну да что с него взять, молодость..." — поучительно заметил дух.

У входа ждали всадники в чёрных плащах. Капюшоны скрывали лица, но я чувствовала на себе их недружелюбные взгляды. Кайден подошёл к своему коню — огромному чёрному жеребцу. Резким движением забросил меня на седло перед собой. Его руки легли на поводья по обеим сторонам от меня.

— Если попытаешься сбежать, — его дыхание обожгло ухо, — я верну тебя в тот подвал. И оставлю гнить.

"Ай-ай-ай, какие страсти! А метка-то как пульсирует! Он и сам не понимает, что с ним творится. Хочет тебя убить, а руки сами нежничают..." — хихикал дракоша.

Мы поскакали в ночь. Он прижимал меня к себе крепче, чем требовалось. Его тело горело за моей спиной, но в этих объятиях была только принуждение.

На рассвете показался замок. Мрачный. Непрístupный. Кайден спешил, грубо стащил меня с лошади. Поволок через дворы и коридоры, не обращая внимания на изумлённые взгляды слуг.

Он остановился перед дверью в башне. Отпер массивный замок, толкнул меня внутрь. Просторная, но мрачная комната. Высокие окна с решётками. Потухший камин. На кровати — стопка женской одежды.

— Это твоя комната, — бросил он, стоя в дверях. — Охрана снаружи круглосуточно. Еду принесут три раза в день.

"Прекрасные апартаменты! Я бы назвал это 'люксом для особых гостей'. Ключевое слово — особых..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.